

Аметистовские чтения

Москва, 19 сентября 2016 года

Аметистов Эрнест Михайлович

(17 мая 1934 — 7 сентября 1998) — российский государственный деятель и ученый-правовед. Судья Конституционного суда Российской Федерации (1991—1998). Представитель Конституционного суда Российской Федерации в Конституционном Совещании (1993).

Окончил юридический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (1958). Кандидат юридических наук (1971), доктор юридических наук (1984). Докторская диссертация посвящена соотношению международного и внутригосударственного права, осуществлению норм международного права в национальном законодательстве. Редактор издательств «Юридическая литература» и «Международные отношения» (1958—1966). Старший научный сотрудник Института международного рабочего движения АН СССР (1966—1976), ведущий научный сотрудник ВНИИ советского законодательства (1976—1991). Заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (1995). Один из основателей общества «Мемориал». Член Московской Хельсинкской группы.

По заданию МИД СССР работал в Совете Европы над вопросами предоставления СССР гуманитарной помощи (1991). Эксперт Конституционной комиссии Съезда народных депутатов Российской Федерации (1990—1991). Судья Конституционного суда Российской Федерации (1991—1998). Представитель Конституционного суда Российской Федерации в Конституционном Совещании (1993).

Был «невъездным», то есть ему был запрещены поездки в «капиталистические» государства. В 1986 году в знак протеста против очередного немотивированного отказа отослал свой партийный билет в ЦК КПСС, добиваясь честного и открытого разбирательства. За этот поступок был исключен из партии райкомом КПСС. В 1988 году восстановлен Московским горкомом КПСС. В начале 1991 года вышел из партии.

В 1990 году был кандидатом в народные депутаты России (занял второе место в Краснопресненском избирательном округе Москвы). Выступал за то, чтобы отечественное законодательство о правах и свободах граждан полностью соответствовало международным нормам о правах человека. За предоставление гражданам права на обжалование в суде любых нарушений их прав и свобод. За введение поста Народного защитника (аналога современного Уполномоченного по правам человека).

В 1990-х годах принимал участие в подготовке ряда законопроектов, в том числе проектов законов о чрезвычайном положении, о международных договорах, о Конституционном суде Российской Федерации, в подготовке проекта Конституции Российской Федерации.

Автор более 140 научных работ.

Владимир Нузов

Этому интервью полгода. Стыдно признаться, но публиковать его я не спешил — оно показалось мне чересчур академическим, скучноватым. Теперь, когда моего собеседника нет в живых, многое сказанное им воспринимается по-другому. То, что говорил Эрнест Михайлович, исполнено глубокого смысла, особой значимости и печали... При общении бросались в глаза его ненаигранная простота, искренность и серьезность. В интервью не попал — и в этом упущение интервьюера — наш короткий разговор о поэзии. Мать Эрнеста Михайловича дружила с Наталией Штемпель — воронежской приятельницей Манделштама, а сам член Конституционного суда подарил Евгению Борисовичу Пастернаку редкую фотографию Бориса Пастернака во время его поездки на фронт в 1943 году.

И увидел я Эрнеста Михайловича в последний раз — что тоже показалось мне неслучайным — буквально за три дня до его смерти, на открытии Дома-музея Булата Окуджавы в подмосковном Переделкине. Я едва узнал его, и он, как бы стесняясь своей страшной, неожиданной худобы, ткнул большим пальцем в середину своего живота и тихо произнес: «Операция...» Потом — лаконичное сообщение по всем каналам телевидения: «В ночь с субботы на воскресенье на своей даче скончался член Конституционного суда Российской Федерации Эрнест Михайлович Аметистов». «Член Конституционного суда избирается пожизненно», — вспомнил я и усмехнулся: это замечательно, если только жизнь не столь коротка...

* * *

— Эрнест Михайлович, член Конституционного суда должен отвечать определенному цензу: возрастному, образовательному и так далее. Поэтому естественно попросить вас рассказать о себе.

— Действительно, федеральный конституционный закон «О Конституционном суде Российской Федерации» в статье 8 устанавливает, что судьей Конституционного суда может быть назначен гражданин РФ, достигший к моменту назначения возраста не менее сорока лет, с безупречной репутацией, имеющий высшее юридическое образование и стаж работы по юридической специальности не менее 15 лет, обладающий признанной высокой квалификацией в области права.

Что касается моей биографии, то родился я в 1934 году в Ленинграде. Школьные годы провел в Караганде, Воронеже, Краснодаре. В 1958 году окончил юридический факультет МГУ. Затем несколько лет работал редактором в издательствах, выпускающих юридическую литературу. С 1966 года — в юридической науке. Много лет занимался международным правом. Моя докторская диссертация была посвящена соотношению международного и внутригосударственного права, реализации международных норм о

¹URL: <http://www.peoples.ru/state/lawyers/ametistov/>.

защите прав человека в национальном законодательстве. В этой диссертации, в своих книгах и статьях я доказывал среди прочего, что международный договор обладает большей юридической силой, чем национальный закон и при определенных условиях способен непосредственно регулировать общественные отношения. В то время (конец 70-х — начало 80-х годов) эта идея считалась в советской науке международного права крамольной, поэтому многие мои коллеги считали меня то ли опасным диссидентом, то ли городским сумасшедшим, тем не менее диссертацию мне защитить удалось.

А однажды я попытался воплотить «вредную» идею даже в законе. Дело было так. В 1978 году я участвовал в подготовке проекта закона о международных договорах СССР. Вместе с несколькими единомышленниками мне удалось включить формулировку о приоритете международных договоров в текст законопроекта. И она просуществовала там буквально до последнего дня деятельности нашей рабочей группы. Но в последний день явился некий весьма влиятельный номенклатурный ученый (теперь он активно консультирует оппозицию в Государственной Думе) и нашептал чиновнику Президиума Верховного Совета, который «курировал» нашу работу: «Да вы с ума сошли! Если оставите такую статью в законе, то завтра же любой диссидент явится в суд, размахивая пактами о правах человека!» Смертельно напуганный чиновник тут же вычеркнул злосчастную статью из законопроекта.

Сейчас тот давний спор решила жизнь. Совершенно очевидно, что международные нормы, защищающие права человека, внесли огромный вклад в демократизацию страны. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ признаны Конституцией Российской Федерации составной частью ее правовой системы. Конституция признала приоритет международных договоров перед внутренним законом. Конституционный суд ссылается на международные договоры по правам человека чуть ли не в каждом втором своем решении. Каждый раз, когда это происходит, я думаю о том, как удачно сложилась моя научная судьба — ведь для ученого нет большего счастья, чем видеть, как воплощаются в жизнь его идеи, да еще самому в этом участвовать!

Но вернемся в прошлое. С началом перестройки я стал часто выступать уже не только в научной, но и общей печати со статьями на правовые и политические темы, активно участвовал в правозащитном движении, в частности, в деятельности Московской Хельсинкской группы, в создании общества «Мемориал». Одно из самых сильных и незабываемых впечатлений того периода — от коротких встреч и разговоров с Андреем Дмитриевичем Сахаровым, который, кстати, в 1989 году поддержал мою кандидатуру среди других кандидатов, выдвинутых обществом «Мемориал», в народные депутаты РСФСР на выборах 1990 года. Впрочем, выборы эти я благополучно проиграл во втором туре Олегу Попцову, которому в конечном счете искренне за это благодарен.

В 1990—1991 годах работал экспертом в конституционной комиссии, созданной Верховным Советом РСФСР для подготовки новой российской кон-

ститутции. И хотя сама эта комиссия свою работу так до конца и не выполнила, многие наши идеи, прежде всего касавшиеся защиты прав человека, реализовались в Конституции РФ 1993 года.

В конце октября 1991 года в числе 13 судей «первого призыва» был избран съездом народных депутатов в Конституционный суд. Как реликвию храню выданное тогда Верховным Советом удостоверение № 001 не в силу каких-то особых заслуг, а по причине первой буквы своей фамилии, из-за которой еще с начальной школы меня вызывали первым!

С тех пор всякое бывало в Конституционном суде — хорошее, плохое, трагическое, много оставлено в нем сил и здоровья, но в одном уверен — все было не напрасно. В самые тяжелые минуты всегда согревало одно чувство — сопричастности великому делу создания и работы совершенно нового, уникального для России института высшей справедливости, один лишь факт существования которого после многих лет традиционного бесправия и произвола удивителен и порождает надежды на лучшее будущее нашей страны.

— Одним из главных дел, которые вам пришлось тогда рассматривать, было дело о проверке конституционности указов президента РФ о запрете деятельности КПСС. Расскажите, пожалуйста, об этом деле. Как вы расцениваете постановление суда по нему? Было ли оно выполнено?

— Это было одно из самых сложных и утомительных дел в практике КС, длившееся с июля по ноябрь 1992 года. Многие считают, что КС при этом не выполнил своей задачи по освобождению страны от наследия тоталитаризма, не дал надлежащей оценки партии, многие десятилетия державшей под гнетом своей диктатуры огромную страну.

Я так не думаю. Ведь КС в основном подтвердил соответствие указов президента конституции. Он признал, что на протяжении десятилетий «руководящие структуры КПСС были инициаторами, а структуры на местах — зачастую проводниками политики репрессий в отношении миллионов советских людей», что «руководящие структуры КПСС, КП РСФСР присвоили государственно-властные полномочия и активно их реализовывали, препятствуя нормальной деятельности конституционных органов власти», что «КПСС занимала в государственном механизме положение, не согласующееся с основами конституционного строя».

Суд сделал вывод о том, что «антиконституционность деятельности руководящих структур КПСС и КП РСФСР... исключает возможность их восстановления в прежнем виде. Члены КП Российской Федерации вправе создавать лишь новые руководящие структуры в полном соответствии с требованиями действующей Конституции и законов Российской Федерации и на равных условиях с другими партиями». В другом месте своего постановления суд также подчеркнул: «Установление того факта, что руководящие структуры КПСС и КП РСФСР осуществляли на практике, вопреки действовавшим конституциям, государственно-властные функции, означает, что роспуск их правомерен и восстановление недопустимо».

Во время процесса были оглашены и приобщены к делу сотни ранее секретных документов, разоблачавших деяния Коммунистической партии против собственного народа и народов других стран.

Вместе с тем, основываясь на конституционных нормах, предоставивших каждому право на объединение в рамках закона, суд признал право на существование и деятельность первичных организаций КП РСФСР, образованных по территориальному, а не производственному признаку, поскольку эти организации сохраняли свой общественный характер и не подменяли государственные структуры.

Из всего этого следовало, что коммунисты — члены таких территориальных организаций — в случае их желания объединиться в политическую партию должны были созвать учредительный съезд этих организаций и на их основе образовать фактически новую партию в соответствии с конституцией и законами страны.

Однако вместо этого уже в феврале 1993 года был проведен (заметьте, второй!) чрезвычайный съезд КПрФ, в программном заявлении которого прямо говорилось, что он «восстановил деятельность партии российских коммунистов», то есть фактически прежней КП РСФСР, образованной, как известно, летом 1990 года на ее I съезде. В утвержденном на съезде уставе партии этот факт подтвержден с предельной откровенностью: «Возникшая по инициативе в составе КПСС Компартия РСФСР возобновляет (!) свою деятельность и организационно оформляется в самостоятельную Коммунистическую партию Российской Федерации». А ведь именно восстановление этой партии КС признал недопустимым!

Дело, однако, не только в названиях съездов и партийных органов, а в сути восстановленной партии, так же, как и ее союзников: прежняя тенденция к проникновению в органы государственной власти, учреждения, предприятия, вмешательству в их деятельность, использованию в своих партийных интересах — не только сохранилась, но и активно развивается, так же, как извечная привычка коммунистов к секретности, закрытости своей деятельности. Свидетельств тому предостаточно. Например, «Российская газета» пишет о попытках Ставропольского крайкома КПрФ диктовать местному губернатору, какую кадровую политику он должен проводить. А «Известия» сообщают из Санкт-Петербурга, что в преддверии апрельских акций протеста региональные отделения РКПР, КПрФ и ряда других партий и движений левого толка резко активизировали деятельность своих ячеек на предприятиях бывшей оборонки, в крупных научных центрах, в армейских и студенческих коллективах. Вот все программы телевидения информируют общественность об очередном закрытом пленуме или съезде КПрФ. Подобных сообщений множество, и звучат они как-то обыденно, будто в советские времена. Но ведь вмешательство партийных организаций в политику властей, создание партийных ячеек по производственному принципу — грубейшие нарушения и буквы, и духа постановления Конституционного суда по делу КПСС. Нарушается при этом и Федеральный закон об общественных объединениях 1995 года, который устанавливает, что вмешательство органов государственной власти и их должностных лиц в деятельность общественных объединений, равно как и вмешательство общественных объединений в деятельность органов государственной власти и их должностных лиц, не допускается. В этом же законе говорится, что деятельность общественных объединений должна быть гласной. Не надо быть юристом, чтобы

понять, что практика закрытых коммунистических форумов прямо нарушает это законоположение.

Однако эти факты совершенно не волнуют наши правоохранительные органы, в частности Генеральную прокуратуру РФ и Министерство юстиции, которые, согласно Закону об общественных объединениях, призваны осуществлять надзор и контроль за законностью деятельности таких объединений.

— В этой связи возможна ли постановка вопроса о запрете деятельности КПРФ?

— Федеральный закон об общественных объединениях предусматривает за нарушение конституционных законов этими объединениями различные меры ответственности — от предупреждения, выносимого в их адрес регистрирующим органом, до приостановления этой деятельности, а также ликвидации общественных объединений и запретов их деятельности. Решения о приостановлении деятельности и ликвидации общественных объединений принимаются судами по заявлениям прокуратуры (решения о приостановлении деятельности — также по заявлениям органа, регистрирующего общественные объединения). То есть если эти вопросы возникнут применительно к КПРФ (в чем я весьма сомневаюсь из-за позиции правоохранительных органов, о которой я упомянул выше), то они должны решаться уже не в КС, а в судах общей юрисдикции.

— В федеральном конституционном законе «О Конституционном суде Российской Федерации» говорится об обязательности решений КС для всех представительных, исполнительных и судебных органов. Чем гарантируется эта обязательность?

— У самого суда нет достаточно эффективных средств для исполнения его постановлений. У нас отсутствует аппарат принуждения, кроме разве пристава, обеспечивающего порядок в зале судебных заседаний. Исполнение наших решений основано прежде всего на высоком авторитете суда и на уважении других ветвей власти к этим решениям и к самой конституции. И за исключением очень немногих случаев (об одном из которых я подробно рассказал) в течение всей истории суда этот механизм работал безотказно.

Правда, в статье 81 «Закона о Конституционном суде» говорится, что неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепятствование исполнению решения Конституционного суда влечет ответственность, установленную федеральным законом. Когда-то еще прежний Верховный Совет обещал принять соответствующий закон, но не принял.

Впрочем, в статье 315 УК РФ есть норма общего характера, устанавливающая уголовную ответственность за злостное неисполнение представителем власти, государственным служащим органа местного самоуправления, служащим коммерческой, а также иной организации вступившего в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта, а равно воспрепятствование их исполнению. Но мне представляется, что применение этой статьи к случаю неисполнения решений КС не всегда возможно, поскольку в ней речь идет об индивидуальной ответственности, а при неисполнении решений КС может возникнуть вопрос, например, об ответственности государственного органа или общественного объединения.

Поэтому я за то, чтобы был наконец принят федеральный закон, обеспечивающий неукоснительное исполнение решений КС.

— С учетом высоких требований, предъявляемых к судьям КС, мне кажется, что подобрать в Москве людей, соответствующим этим требованиям, не так просто. Есть ли среди 19 членов КС немосквичи?

— Сначала отвечу вопросом на вопрос: а что означает быть москвичом? Родиться в Москве или прожить в ней определенное количество лет? Если так,

то сколько именно? Я, кстати, задавал этот вопрос журналистам в связи с решением КС о прописке и определенной, скажем так, болезненной реакции на них московских властей, но не получил внятного ответа. Москва испокон веков прирастала всей Россией, притягивала талантливых, работающих, предприимчивых людей страны, а потом отдавала ей этот долг сполна. И потому она неотделима от страны в силу прежде

всего человеческих связей. Уроженцев Москвы среди судей КС немного, всего, кажется, двое. Большинство из нас ко времени своего назначения на эту должность уже жили и работали в Москве — одни много лет (я, например, с 1953 года), другие меньше (например, бывшие депутаты Верховного Совета РСФСР, избранные в других городах). Непосредственно не из Москвы были назначены в суд пять судей.

— По закону вам запрещено говорить о том, что может стать предметом обсуждения в КС. Грубо говоря, с вами можно говорить только о погоде?

— Можно и о погоде, тем более что один из моих любимых писателей — Фазиль Искандер — очень точно подметил особую любовь москвичей к метеорологическим темам. Помню, мне тоже это бросилось в глаза, когда я впервые приехал в Москву. Мы-то в провинции, бывало, полагали, что всякая погода от Бога и что уж тут особенно рассуждать...

Что касается Закона о Конституционном суде, то он действительно ограничивает судей в темах их бесед. Я, например, хоть под пыткой не скажу вам, что думаю о любом деле, которое будет рассматриваться судом. И не только потому, что это запрещено законом, а еще и потому, что заранее не знаю, как его следует решить: подлинно внутреннее убеждение (или озарение — как хотите) приходит лишь в процессе или после слушания дела.

А вот что я могу делать — это комментировать уже принятые решения суда, вплоть до выражения своего особого мнения, естественно, с должным уважением к таким решениям, даже если я с ними в корне не согласен.

Ну, и опять же, говорить о погоде и о множестве других приятных и интересных вещей.

— Чем обусловлено наличие в КС двух палат? Причем в одной из них — четное число судей, то есть имеется шанс, что пять членов суда будут «за», и пять — «против».

— КС рассматривает и разрешает дела в пленарных заседаниях и заседаниях двух палат — в зависимости от существа рассматриваемых вопро-

сов, причем одна палата включает десять, другая — девять судей, и это установлено законом. Главная причина этого — чтобы увеличить число рассматриваемых дел.

И результат налицо: если за первые полтора года своей работы, когда суд заседал только в пленуме, было рассмотрено лишь 19 дел, то за следующие 3 года (с весны 1995 года) — уже более 80. Что касается четного числа судей одной из палат, то пока что, насколько мне известно, это не приводило к патовым ситуациям при голосовании.

— *Как часто вы, Эрнест Михайлович, являетесь судьей-докладчиком?*

— Два-три раза в год.

— *Не думали ли вы о том, чтобы, скажем, в рамках передачи «Человек и закон» на ТВ говорить о том, что происходит в Конституционном суде?*

— Не думал, но могу подумать при наличии соответствующих предложений. Потому что считаю: то, что раньше считалось пропагандой правовых знаний, является исключительно важным делом, в котором должен участвовать каждый юрист.

— *По каким вопросам граждане чаще всего обращаются в Конституционный суд?*

— Чаще всего по вопросам обжалования судебных решений, социальной защиты, охраны жилищных, трудовых прав, права на судебную защиту, равенства и равноправия и многим другим. Например, в 1997 году в КС поступило 9473 обращения от граждан. Естественно, лишь очень немногие из них были приняты к рассмотрению. Потому что Законом о Конституционном суде установлены четкие правила допустимости жалоб граждан на нарушение их конституционных прав и свобод. Во-первых, эти права должны быть нарушены законом, а не другим нормативным актом (указом президента, постановлением правительства, ведомственной инструкцией и т. п.). Во-вторых, такой закон должен затрагивать конституционные права конкретных, обратившихся в КС граждан, а не каких-либо иных. В-третьих, данный закон должен быть уже применен или подлежать применению в конкретном деле этих граждан, рассмотрение которого завершено или начато в суде или ином (например, административном) органе, применяющем закон. При этом заявитель должен приложить к жалобе копию официального документа, подтверждающего применение или возможность применения обжалуемого закона при разрешении конкретного дела. Выдать заявителю копию такого документа по его требованию обязаны должностные лица или органы, рассматривающие дело. Заявитель должен выполнить еще ряд формальных требований, указанных в Законе о Конституционном суде, в том числе обязательно сформулировать свою позицию по поставленному им вопросу и обосновать, почему, на его взгляд, применяемый закон не соответствует тем или иным статьям Конституции РФ.

Большинство поступающих к нам жалоб граждан этим требованиям не соответствует, то есть люди, попросту говоря, обращаются не по адресу: жалуются на суровые судебные приговоры, на произвол администрации, просят помочь в получении квартиры, выплаты пенсии и т. д. Иногда среди авторов попадаются профессиональные сутяжники, иногда — психически неуравновешенные. Но чаще видишь, что людей действительно притесняют, унижают, лишают законных прав. Очень тяжело читать такие письма и очень хочется помочь их авторам, но это не в нашей компетенции. В таких случаях наш аппарат, а часто и сами судьи стараются объяснить гражданам,

куда им надо обратиться; бывает, что и пересылают их письма в прокуратуру, суды общей юрисдикции и т. п.

Вместе с тем рассмотрение дел по жалобам граждан, соответствующим требованиям закона о КС, составляет, пожалуй, основное направление нашей работы, и здесь Конституционный суд выступает в роли, не побоюсь этих слов, главного правозащитника в стране. Ведь когда суд признает не соответствующим конституции закон, обжалуемый гражданином, это влечет не только обязательный пересмотр его конкретного дела, но и в конечном счете отмену неконституционного закона. И тогда решение суда защищает уже не одного, а сотни тысяч, может быть, миллионы граждан, чьи права нарушены или могли быть нарушены таким законом.

О МОРАЛИ, ПРАВЕ И СВОБОДЕ²

<...> То, что мы переживаем сейчас, это не беспредел, а трудный и долгий переходный период от тоталитарной коммунистической системы, когда единственным законом был ничем не ограниченный произвол одного или нескольких диктаторов, к первым зачаткам правового государства. Причем происходит это в стране, где государственный произвол имеет богатые тысячелетние традиции, да еще в условиях тяжелого экономического кризиса, доставшегося нам от все той же системы. Поэтому общая картина весьма пестрая. В ней есть все. Нищета и богатство. Кризис в одних отраслях экономики и процветание в других. Хорошие законы и трусливые чиновники, не желающие или боящиеся их исполнять. Плохие законы и честные судьи, стремящиеся их исправить <...>. Самоотверженные защитники прав человека <...> и полностью потерявшие стыд политики, которые используют эту трагедию лишь для одной цели — захвата власти любой ценой. И много чего другого есть в нашей жизни, кроме одного — монохрома: ее нельзя изображать одной краской — черной или белой. <...>

Нынешний российский гражданин, каких бы политических взглядов он ни придерживался, просто обязан принимать участие в голосовании, прежде всего, ради собственного будущего, иначе он отдает свою собственную судьбу в руки других. Хотя такая обязанность не закреплена ни в Конституции, ни в законе. Кроме того, ему необходимо точно просчитать, за кого он будет голосовать, исходя из собственных интересов. И при этом не поддаваться на обман и демагогию, в которых никогда не бывает недостатка на любых выборах. Иначе на следующий день после выборов он поймет, что его крупно надули. Вот это крайне сложно и трудно, а для кого-то и страшно. Поэтому и возникает кое у кого ностальгия по «твердой руке», которая все за нас и решит. Забывают при этом самую малость: когда «твердая рука» приходит к власти, то добровольно ее никогда не отдает и при этом вытворяет все, что ей «руке» заблагорассудится. И если сейчас каждый недовольный властью может ругать эту власть на любом перекрестке и имеет шансы сме-

² Лукьянова Л. «Любая власть — это зло, выбирайте наименьшее» // Вечерний клуб. 14.11.95.

нить ее раз в четыре-пять лет, то тогда ему останется выражать свое недовольство лишь на собственной кухне в кругу пользующихся особым доверием близких родственников, да и то без полной гарантии от доноса. В общем, начнется знакомая сказочка про белого бычка, при этом на неопределенный период времени до новой перестройки. Так что научитесь, наконец, выбирать между двух зол, «думайте сами, решайте сами — иметь или не иметь», как пелось в известной песенке. <...>

Любой закон должен нести в общество нравственное начало, воспитывающая соответствующие черты в людях, которые его исполняют. А если в нем этого начала нет или даже есть, но он не исполняется, то нравственность гибнет. <...> Любой закон, принимаемый в демократическом обществе, должен быть основан на нравственной цели, то есть нести благо обществу. <...>

Я власти ничего не должен. С юных лет, задолго до того, как удалось прочитать «Мастера и Маргариту», я исповедовал «принцип Воюанда» «ни у кого ничего не просите, сами придут и все дадут». Я пальцем не пошевелил, чтобы стать судьей Конституционного суда. Меня даже не было в Москве в это время. Но вообще идеальной власти не бывает, это утопия. Любая власть — зло. Но зло необходимое. Речь может идти лишь о выборе между двух зол: между худшей и лучшей властью, между меньшей и большей степени свободы. <...>

Я никогда не приспособливался к власти, скорее власть приспособилась ко мне (хоть это и звучит несколько нагло!). Тогда мы шли на параллельных курсах, но не далее того места, где власть меняла свой курс (власть, а не я!). Так было некоторое время в период хрущевской оттепели после XX съезда до интервенции в Венгрию. Так было в годы перестройки примерно до конца 1990 года, пока не была предана Программа «500 дней». Так есть сейчас, потому что, повторяю, я убежден, что, несмотря на все ошибки и безобразия нынешней власти, она является пока что единственным гарантом продолжения реформ и сохранения достигнутого уровня свободы. А я всю жизнь мечтал о свободе и обрел ее, пусть и в конце жизни. И очень хочу, чтобы моя Россия стала свободной навсегда.

ЦИТАТЫ ИЗ РАЗНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

* * *

Дальнейшее развитие прав человека у нас в стране зависит, на мой взгляд, от позиции не только верховной власти, но и самого народа. В течение столетий в России превалировала концепция патернализма, когда все права и свободы люди связывали или с благосклонностью батюшки царя, или с великими деяниями любимых вождей. И надо стремиться к тому, чтобы в корне изменилась в широких слоях населения психология права. Необходимо вернуться к истокам простых и мудрых истин естественного права, в соответствии с которыми каждому человеку от природы отпущено равное количество прав, при этом он должен уважать такие же права и свободы других.

Что касается государственной власти, то ей следует осознать, что деятельность по обеспечению прав человека и их охране — это не благодеяние и не дар свыше, а первейшие условия выживания самого правительства.

* * *

Пора понять вечную истину: свобода не только приятна, она — экономически выгодна.

* * *

В России на протяжении всей ее тысячелетней истории личность никогда не обладала собственной самооценностью и в дилемме «государство — личность» приоритет всегда и безусловно отдавался государству. Ситуация постепенно стала меняться, лишь начиная с 60-х годов прошлого [XIX] века, в период широких общественных реформ, инициированных царем Александром II, который освободил русских крестьян от крепостной зависимости. Однако все демократические институты, зародившиеся в тот период, — политические партии, парламент, свобода печати, суд присяжных и т. п. — были беспощадно раздавлены коммунистической диктатурой. В течение 73 лет в России господствовал один из самых жестоких тоталитарных режимов современности, который не только уничтожил десятки миллионов невинных людей, но и изуродовал нравственность и сознание своих подданных, вытравил из него саму идею верховенства человеческой личности над государством, идею прав и свобод человека. Эта идея стала возрождаться в узких кругах советских диссидентов лишь на излете коммунистической диктатуры, в последние ее десятилетия. Основная же масса населения страны была воспитана в сугубо патерналистском духе, искренне полагая, что источником всех жизненных благ является лишь государство, которому его подданные обязаны всем, что они имеют, вплоть до самой жизни. Следствием этой патерналистской психологии был паразитический, иждивенский подход к государству, от которого привыкли ждать, просить а потом требовать всего, вместо того чтобы строить свою жизнь своими руками, так что к концу коммунистического режима уровень общественного осознания прав и свобод человека и просто уровень правовой культуры населения России был крайне низким.

Одной из уродливых черт такого общественного сознания было весьма специфическое отношение людей к праву и правовым институтам. Поскольку советские люди на собственном горьком опыте убедились в фиктивности законов, то типичным для их общественного сознания было неуважение к формальному праву и, наоборот, страх перед правом неформальным, но зато реальным, которым для них была неограниченная власть коммунистической партии. Поэтому и защиту своих интересов они искали не в суде, который оставался для них не правозащитным, а карательным, репрессивным органом, но у партии.

Таковы были условия, в которых пять лет назад новая демократическая власть России начинала свои широкомасштабные политико-правовые реформы. Сверхзадачу этих реформ можно сформулировать так: создание вместо государства-монстра, основанного на господстве силы, произвола, подавления человеческой личности, государства, основанного на праве и

гражданском обществе, где личность должна стать равноправным партнером власти, а ее главным назначением — защита прав, свобод и интересов человека и гражданина.

1996

* * *

Всеобщая декларация прав человека, международные пакты о правах основаны на... философии, утверждающей абсолютную ценность человеческой личности, ее приоритет над государством, прирожденный, естественный характер человеческих прав и свобод. «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах», — провозглашает Декларация в своей первой статье. Государству в этой системе взглядов отводится

совсем иная роль — регулировать отношения между гражданами, с тем чтобы их права и свободы не нарушали таких же прав других, заботиться о защите прав каждой отдельной личности, ибо именно в этом залог благополучного существования государства, ибо государственная власть, систематически нарушающая права и свободы своих граждан просто не имеет шансов на будущее. Примеров тому тьма, в том числе в истории нашей страны.

Поэтому Всеобщая декларация прав человека должна стать настольной книгой каждого советского гражданина начиная со школьной парты, если не с детского сада. Поэтому настойчивое систематическое воспитание массового сознания в духе вечных общедемократических, общечеловеческих ценностей, заложенных в международных документах о правах человека — не только наше международно-правовое обязательство, но и насущная национальная потребность.

* * *

Вся надежда на молодежь, но и здесь проблемы. Юридическое образование во многом остается в руках «вечно вчерашних». Чему они могут научить молодое поколение, если сами люто ненавидят новый мир и мечтают о реставрации?

* * *

Россия переживает сложнейший переходный период. В душах и умах ее граждан идет постоянная и упорная борьба между рабством и свободой. Проиграть ее нельзя ни в коем случае. Свобода должна быть с кулаками.

Естественно эти ограничения влияют на характер отношений КС и СМИ. Однако большинство журналистов уже хорошо усвоили как возможности судей КС, так и свои возможности в Суде. С ними ведут постоянную и целенаправленную работу как пресс-служба КС, небольшая по составу, но очень опытная, прошедшая вместе с судьями через все трудности нашего «переходного периода», так и сами судьи.

Вот принципы этой работы.

Доброжелательность. Вежливо, терпеливо и спокойно, с юмором отвечать на любые вопросы журналистов, даже самые глупые, никогда не раздражаться, разъяснять им, о чем мы имеем право говорить, о чем — нет. Не гнушаться простыми юридическими консультациями. Если один судья занят и не может дать интервью, он, как правило, направит к другому, поможет с ним связаться. Предоставление журналистам любых доступных материалов, текстов принятых постановлений, разъяснение их содержания, их последствий. Организация регулярных пресс-конференций, брифингов. Одна из задач этих встреч — разъяснение журналистам важности не только «горячих» дел, обычно привлекающих внимание СМИ, — это, конечно, споры между исполнительной и законодательной властью, а также между федеральным центром и регионами, но и правозащитной деятельности КС по жалобам граждан, которая на самом деле приносит наибольшую пользу людям. В результате внимание СМИ к этим делам, которые раньше часто ими игнорировались, в последнее время резко повысилось. Выпуск пресс-релизов о сути рассматриваемого дела — перед его рассмотрением — и о сути принятого постановления — после его принятия Судом. Практически обязательное общение с журналистами судьи-докладчика или председательствующего по делу сразу после оглашения постановления.

Бесконфликтность. Спокойная реакция Суда на неграмотные, неточные публикации о его решениях и деятельности. Официальные опровержения — лишь в крайних случаях. Гораздо чаще — индивидуальные беседы с журналистом, допустившим ошибку, разъяснение ему этой ошибки — в результате он сам исправляет эту ошибку в следующей публикации.

Столь же спокойное реагирование на агрессивные политические выпады и угрозы, которые достаточно регулярно высказывает в адрес КС коммунистическая и националистическая оппозиция. Здесь многое зависит от того, кто выступает с такими угрозами — всегда следует думать об обратном эффекте. Если это делает известный депутат Государственной думы или лидер фракции, то может быть следует и ответить... Если с клеветой и угрозами выступает малотиражная грязная газетенка, то реагировать на них — значит поднимать ее тираж и популярность...

Правовое просвещение. Судьи и работники аппарата КС по-прежнему довольно часто выступают в прессе, на телевидении, по радио с разъяснениями решений КС, особых мнений судей, в передачах по юридической тематике. При этом мы всегда стремимся воспользоваться любой такой воз-

возможностью для разъяснения Конституции, законов, деятельности и компетенции КС, правовых оснований, необходимых гражданам для обращения в КС. Конечно, после каждой такой публикации или выступления мы все равно получаем много писем и жалоб, не являющихся допустимыми с точки зрения Закона о КС. Тем не менее уровень правовой культуры в тех жалобах, которые КС принимает к рассмотрению, за последние годы явно повысился. Тому есть много причин, но думаю, что одна из них — правовое просвещение, которое ведется СМИ в связи с деятельностью КС.

Ориентация на долговременное сотрудничество со СМИ. КС использует две формы аккредитации журналистов: разовую и постоянную. Получить разовую очень просто — за день до мероприятия достаточно позвонить в пресс-службу по телефону и записаться. Постоянная аккредитация выдается через три месяца систематического освещения журналистом работы КС и носит характер поощрения. За годы существования КС при нем сложился коллектив высокопрофессиональных журналистов, пишущих о его работе (Никитинский, Катанян, Борин, Феофанов, Кара-Мурза, Пархоменко, Венедиктов, Мирзоев и др.). Тематика КС послужила одним из стимулов для создания Гильдии судебных репортеров — объединения лучших правовых журналистов страны, которые пишут на основе выдвинутых ими этических принципов честной работы в жанрах судебного очерка и репортажа.

Итак, к настоящему времени Конституционный суд России приобрел репутацию наиболее открытого, гласного, доступного для общественности судебного учреждения в стране. Соответствующей является и реакция СМИ на деятельность КС. В 1997 году только в центральных средствах массовой информации, по данным нашей пресс-службы, Конституционному суду было посвящено 528 материалов, что, вероятно, превышает количество публикаций о всех других судебных учреждениях.

Хорошо это или плохо? Наверное, здесь возможны различные оценки, в зависимости от соответствующих концепций роли суда в обществе. Но открытость и доступность Конституционного суда Российской Федерации — это реальность, сложившаяся как вследствие особенностей исторической ситуации, в которой он создавался и действовал, так и в результате его собственной целенаправленной политики по отношению к СМИ.

* * *

Судьям КС следует учитывать, что современники и потомки будут судить об их деятельности не только по тому, что они сделали, но и по тому, чего они не сделали, хотя могли сделать. Конституционный суд в России — прямой результат демократических реформ, трудно и медленнодвигающих страну в направлении к созданию подлинно правового государства. Содействовать таким реформам всеми имеющимися у него средствами — сверхзадача КС, более того, его прямая обязанность, поскольку все основные цели этих реформ закреплены в Конституции, которой — и только ею! — должен руководствоваться Конституционный суд Российской Федерации.

* * *

Я и тогда, защищая докторскую диссертацию, и сейчас стоял и стою на позиции приоритета международного права над внутренними законами.